

О ПОЛЬЗЕ ВРЕДА

АРХИМАНДРИТ
САВВА
МАЖУКО

архимандрит Савва (Мажуко)

О пользе вреда

«Никея»

2019

УДК 82-7
ББК 84(2)6

(Мажуко) а.

О пользе вреда / а. (Мажуко) — «Никея», 2019

ISBN 978-5-91761-966-8

Веселые истории отца Саввы родились как шутки, написанные для друзей, но аудитория, истосковавшаяся по смеху, оказалась гораздо шире, ведь христианам, призванным к мудрости и радости, невозможно обойтись без юмора и смеха, прежде всего над собой.

УДК 82-7
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-91761-966-8

© (Мажуко) а., 2019
© Никея, 2019

Содержание

Мальчик с бородой: вместо предисловия	6
Шесть столпов самооценки	8
Путем всея земли	9
О началах	10
Пределы знания	11
Белый шум	12
Огорчения	13
Уютное	14
Не-в-себе-бытие	15
Звезды и заботы	16
Лествица	17
Доброта спасет мир!	19
Четвертый пол	20
Духовное упражнение	21
Мистика света	22
Журавлиный клин	23
Потешный синод	24
Еловый старец	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Савва (Мажуко), архимандрит

О пользе вреда

© ООО ТД «Никея», 2019

© Савва (Мажуко), архим., 2019

* * *

Мальчик с бородой: вместо предисловия

Дело было в декабре. Вместо нормального занятия по Библии у меня с учениками зашла речь о том, кто какие прозвища подхватил в школе.

– Отец Савва, а у вас какая была кличка?

– Как-то и не припомню... Похоже, что и не было...

– А! Я знаю: бородатый мальчик!

Древние египтяне полагали, что у детей есть дар пророчества. Правда, он выветривается по мере взросления. И я долго смеялся над новым прозвищем, но мне оно так понравилось, так срослось со мной, будто веселый школьник попал в самую точку, схватил самую суть.

– Мальчик с бородой – что за нелепость? Где борода, а где мальчик?

– Товарищи! Спокойно! Весь мир состоит из абсурда и нелепостей. Посмотрите хотя бы на свои руки – пять пальцев на каждой – в сумме десять плюс какие-то пигмеи на ногах – это невероятно смешно! А как мы ходим? На двух ногах! (Хотел добавить: как дураки!) Да что там говорить. Одежда, которую мы носим, способ, каким принимаем пищу, а наша чопорность и серьезность, пафос наших речей, драматизм обид и мести – мы такие смешные, и совсем этого не замечаем.

Но, пожалуй, самое смешное то, что верующему приходится обосновывать право на смех, естественное право, которое каждый человек получил от рождения. А если ты еще и священник, тебе следует подкрепить свое неудержимое желание рассмеяться подборкой цитат из священных отцов. Ну разве не смешно?

Последователи Учителя, Который советовал подражать детям, вдруг оказались самым взрослым населением планеты. Вот уж воистину недоразумение века!

Да и остальные взрослые хороши. Нам нужны какие-то особые стимулы для смеха, сильнейшие комедии и пересоленные анекдоты – а юмор разлит в нашем мире так щедро, что порой мне кажется, его не меньше, чем логоса, то есть смысла, порядка, разумности.

Да, мы еще можем допустить юмор как терапию. И действительно, есть такие духовные состояния, которые не вылечить без смеха. Вы будете до бесконечности пререкаться со своими «помыслами», борясь с самолюбием, завистью или высокомерием, а всего-то и надо, что посмеяться над собой, а порой и подурачиться. Но юмор больше любой терапии. Иногда мне кажется, что именно в юморе кроется тайна смирения и благодарного ликования перед Лицом Божиим. А потому юмор требует воспитания зрения. Если хотите, это духовное упражнение.

– Да, но прилично ли смеяться людям верующим? Не оскорбит ли это чуткую душу, не посеет ли соблазн, не подтолкнет ли к кошунству?

– Людям, ищущим мудрости, без юмора никак не справиться, а христиане – это именно те люди, которые призваны к мудрости, значит, им без смеха не обойтись, в том числе над собой и прежде всего над собой.

Кроме всего прочего, юмор – это способ описания реальности, особый язык, схватывающий тончайшие оттенки действительности, которые ускользают от более взрослых языков и жанров.

Только не подумайте, что в этих текстах скрыт тайный смысл, шаржи на известных людей или сатирические разоблачения. Ни в коем случае! Это просто шутки, которые я писал для друзей. Им было весело, а мне было радостно вдвойне от их улыбок. Вот и вся история.

Если вы хотите посмеяться, вам сюда. Если вам хочется серьезного разговора с элементами критики и обличений, поищите на соседней полке.

– Савва, не увлекайся! Ни в коем случае не публикуй это! Ты себе навредишь!

– Надо ли беспокоиться по поводу вреда тому, кто написал книгу с таким названием? Тем более что множество людей завалили меня вопросами: «Мы читали на фейсбуке ваши рассказы „Из раннего“. Вы цитируете книгу „О пользе вреда“. Где ее можно добыть?»

Теперь вы знаете ответ на этот вопрос.

Шесть столпов самооценки

Отец Фермопил поехал в Индию и выучил весь санскрит. Потом ходил по монастырю важно и все бормотал:

– Хотя я и не красивый, и жизнь моя не удалась, но, по крайней мере, я знаю санскрит.

Очень себя уважал за это.

Наместник, бывало, спросит:

– А что там Фермопил делает?

– Уважает!

– Ну, хоть чем-то занят.

Путем всея земли

Про отца Спублия много говорили. Умел он принимать разные живописные позы. И откуда столько чувства в человеке? Смотришь, и в груди волнительно. Мертвого растревожит, только глазами смотри! То в благородной задумчивости застынет, то в философском предчувствии замрет. И так многозначительно изгибался – словно и не человек, а бровь испанская. Преуспел в этом значительно, так что издалека приходили удивляться. И даже маститые иерархи. От них у него такая гибкость пошла, что уж наверное знал: раз изгибы глубже идут, значит, иерарх где-то притаился. И так талант развил, что стал совсем жидкий. Приходилось в тазу спать. А Глафира спросонья не разобралась да его поутру в огород выплеснула. Так и пропал человек. Весь в редиску ушел.

О началах

У аввы Перехия родители были знатного происхождения: папа из Рюриковичей, а мама вообще герцогиня. Но жили они в разные эпохи и так и не встретились. Поэтому авва родился в семье дантиста, но своих настоящих предков чтит, питал слабость к герцогиням и при случае всегда дарил им фиалки. Душевный был человек! Но за глаза его все звали «миморожденный». Люди такие жестокие!

А отца Пирмидония так вообще дразнили «полурожденным». И все потому, что он не был до конца уверен, что родился на свет. И имел на то веские основания!

Отец Гипертоний родился в возрасте 38 лет. И поскольку это было самое значительное, что с ним случилось, он тут же умер.

А отец Дихлофосий и вовсе не родился. Из скромности. Так и прожил век нерожденным.

Старец Пельмений стяжал такую осторожность, что родился не сразу, а впоследствии.

Авва Фий был человек решительно безгрешный, и ему не было никакого интереса жить, поэтому он и вовсе не родился.

Владыка Мимозий имел такой страх смертный, что воздержался рождаться – чтобы уж потом не умирать. Этим он явил предел страха смертного! Нет в этой добродетели ему равных!

Про авву Назона написано: был он столь добродетелен, что решил не смешиваться с миром, а потому родился в два приема в разных местах и в разное время, все, чтобы избежать славы. И хоть это был один и тот же человек, умер он в разное время.

Пределы знания

Отец Никодим так любил богословие, что окончил все духовные академии, какие были, и написал в уединении толстую книгу «Малодушие женщины», где убедительно доказал, что объем души у женщин меньше, а потому они берут телом, чтобы казаться значительнее. И книгу все хвалили, особенно почему-то митрополиты. В награду отцу Никодиму было дано право называться Столпом и служить с преднесением семисвечника. Он даже так и представлялся:

– Столп Никодим, очень приятно!

Погорел на глупости. Возжелал именоваться Первостолпом и Вместилищем Законов, для чего накатал трехтомник «Двоедишие ангелов» и так сумел обосновать, что у ангела две души, что начались массовые явления бесплотных духов:

– Разберитесь со Столпом! А то мы сами разберемся!

Чтобы ангелов в грех не вводить, выслали его на уборку капусты. А он как вдохнул деревенского воздуха, так все науки и позабыл. Покинула его академическая тревожность. Опрокинулся невероятно. Мастерил детям дудочки и веночки вязал для малышей. Так обрел покой.

Белый шум

Из богомольных книг известно, что все митрополиты в рай идут. Чего ж так в архиереи все и рвутся! Одно плохо: вечное блаженство всю память отбивает. Сидят митрополиты в райских кущах и никак не вспомнят, в каком чине жизнь проводили.

– Вот, кажется, шапка у меня была. Белая.

– Так и у меня тоже. Что же, может, мы из докторов?

– Не, я крови боюсь.

– А, знаю! Повар! Точно повар! Я помню, все ел да ел. Не иначе в поварах Богу угодил.

– Что ты! Повар не тот, кто ест в застольях, а на кухне, в пару, в сковородках.

– А я смотрю, ты весь насквозь умный, все про жизнь знаешь.

Так все спорят, спорят, а потом и подерутся. Архангелы их пристыдят да по углам расставят. И гляди еще, а то языки друг другу станут показывать. С митрополитами и в раю хлопот не оберешься. Сущие дети!

С Митрополитами и в раю хлопот
не оберешься. Сущие дети!

Огорчения

Владыка Авзоний во всем такую умеренность хранил, что запретил себе под ноги орлец класть:

– Пусть лучше подо мной круг мелом рисуют. Так скромнее. И от врагов защита.

В одном был неколебим: верность митрам хранил, потому как и в «Книге тайн и запретов» сказано: «Подобает же архиерею попечение о митрах возгревать паче иного, понеже митра есть первейший абажур для светильника веры» (23:12). Что тут делать? Пришлось возгревать. Раз уж крест такой взял на себя!

И ревность в нем так возросла об этой добродетели, что как увидел у владыки Псоя митру с колокольной, велел и себе такую же соорудить, но чтобы еще и часы на башне каждую четверть отбивали. А Псой тоже в усердии воскипел и явился на службу в митре с крепостной стеной, и в каждой башне по пушке, так что по отпусе чистый фейерверк вокруг головы мечется.

Пригорюнился Авзоний:

– С таким свяжись!

Сделал себе митру с двумя колокольнями, а в часы кукушек напихал на все четыре стороны.

А у Псоя новая слава: митра с фонтанами, и живой павлин в садах ходит и в торжественные моменты хвост пушистит, и ладан в мраморных чашах курится в благообразных дымах.

Авзоний аж четки уронил:

– Убей меня Бог!

И наградил себя правом носить две митры с колокольнями и башнями. По-другому не мог – достиг предела фантазии.

На праздник Псой в гости явился. На митре виноградники кудрявятся, живая белка в хрустальном домике сидит и железная дорога с певчими вдоль крепостных стен кружится в виде архиерейского вензеля. И на иллюминацию не поскупился – чистый Голливуд! Вот это светильник! Население в таком восторге было, что последовали неплановые исцеления с крестными ходами и шесть мощей сами обрелись.

А Авзоний закрылся в шкафу и рыдал.

Уютное

Один митрополит ночью в булочную пошел. Батон к чаю купить. А машина, что снег метет, его в сугроб и засыпала. Лежит в снегу, батон щиплет и думает: «А ведь я уже сорок лет как голодным не был».

Тут рядом еще поэт Иртеньев засыпался, Алла Пугачева и зебра, что из цирка сбежала от геноцида. Сильные в тот год снега были! Так вчетвером на одном батоне до весны и продержались. Полюбился им владыка за сочувствие и что руки позволял в бороде греть. Как снег сошел, решили не расставаться. Концерты давали в электричках с большим успехом. Пугачева на зебре этюды показывала, а митрополит стихи Барто наизусть читал. От людей – почет, на улице узнают, кексами угощают, а малыши на руки лезут:

– Привет, дед Аллилуй!

Так приятно! Потом в честь него даже улицу назвали.

Не-в-себе-бытие

Авва Памва до девяноста лет дожил и никак не мог со спасением определиться. Хватался за все подвиги сразу, а тут и засада: за целомудрие возьмется – кротость страдает, смирением увлечется – нестяжание в трубу летит. Так измаялся, что лет десять просто сидел в растерянности. Знающие старушки подсказали: не хватайся за все, одному подвигу отдайся и обретешь путь. Выбрал что подешевле: ушел в сугубый пост. И такая его ревность охватила, что умалился до самого зела и стал жить в старом ботинке. Мир не видел таких постников! Да и разглядеть его было непросто – до того подвижник измельчал! Один владыка вглядывался да и вдохнул старца непредумышленно, а назад его никак не извлечь – не выпихивается, и все. Крепко в архиерее угнездился! И что только не делали: выпаривали, вычихивали, кубинскими сигарами выкуривали, – не идет старец из головы! Да и кто тут поможет? Известно: благочестие не лечится! От святости спасения нет!

А Памва принял все с покорностью и как-то даже обжился. Правда, другие постники из трепета незаметно на привычные подвиги перешли:

– Не ровен час и меня владыка вдохнет?

Потом, как все привыкли, владыка даже благодарен стал, во всем со старцем совет держал и просил за себя по телефону отвечать. Одно плохо: умер святитель внезапно. От испуга. В зеркале себя увидел случайно, и дух вон. А старцу куда деваться? Да в мощах еще и лучше спасение идет! Так раскрылся, что даже надиктовал из недр владыкиных сборник поучений на воскресные дни, а потом и сам как-то притих незаметно. Думают, к Богу пошел. И такая святыня исключительная – двойные мощи! Чего только благочестие с людьми не делает!

Звезды и заботы

Авва Гибридий и при жизни исцелениями прославился, а в мощах ему вообще равных не было! Актер Киркоров его страшно почитал. По субботам поклоны накладывал земляные и розы в вазах возил. Как-то полез прикладываться и парик в мощи уронил. Искать неловко и лысым ходить холодно. Полез за париком – очки в гроб свалились. Вот история! Стал в мощах искать – челюсть в святыню выпала. Что ты будешь делать! За зубами потянулся – глаз стеклянный в гроб нырнул с глухим постукиванием. Чистая драма! А тут люди толкаются:

– Не задерживай, убогий!

Ночью авва явился в праведном гнев:

– Что это с вас, Киркоров, все сыплется? А мне в ваших останках сутками лежи! Ну вас совсем к лешему! Исцеляю я вас безвозвратно, только не ходите ко мне больше!

Так Киркоров обрел вечную молодость. А сколько потом актеров к вере обратилось! Чистое нашествие! Одних зубов две телеги под вечер вывозили. Что старцу оставалось? Не вынес поношений, воскрес и на работу устроился – в парке детей на пони катает.

Ну этих взрослых совсем к лешему!

Лествица

Герасим у владыки Понтия тридцать лет служил. Хороший был святитель, видный, но строгости безразмерной.

– Герасим! Мозги твои всмятку! Как тарелку ставишь?

Бросится к владыке в трепете, а про себя твердит:

– Прибери тебя архангел! Всю плешь проел!

Через минуту снова:

– Герасим! Слон персидский! Руку цалуй – никак архиерею Божию ложку даешь!

– Гореть тебе в раю! Провались ты на небо!

А что же? Разве святителю зла пожелаешь? Великий человек! Иерарх Божий! Об избавлении проси, а добра желай!

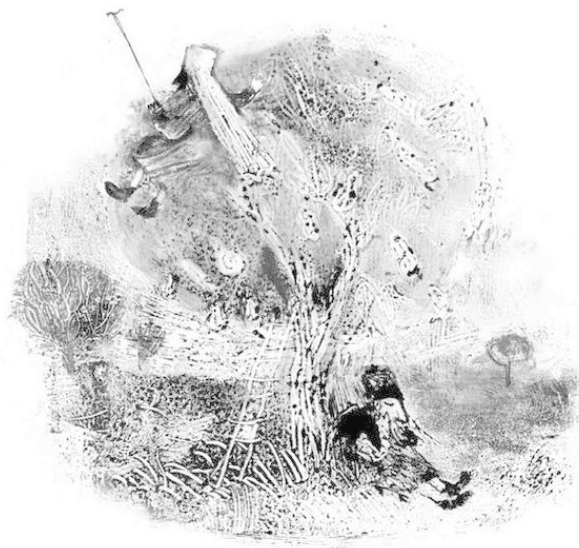
Наконец так допек, что Герасим ему нашептал доверительно, будто Божьим старушкам было откровение: заберут сегодня нашего предстоятеля на небо живьем в половину седьмого со старой груши.

Владыка Герасима торопит:

– Шесть уже! Чего копаисся? Мантию новую тащи, посох, панагию в брыльях!

Облек во все новое да чистое, на грушу подсадил. Притихли в благоговении.

– Герасим! Бегемотина такая! В половину седьмого утра или вечера?

– Так разве их разберешь? Сиди смирененько, владыченька, ангела спугнешь!

А сам под деревом дремлет.

– Вроде опаздывают...

– Полчасика еще. Да ты выше карабкайся, преосвященство! К самой макушке рви!

Герасим под грушей в здоровый сон провалился. А как от сна восстал – нет святителя! Никак колесница увлекла? Только мантия с посохом на Герасима свалилась.

Для всех, конечно, понятно: иерарх свою славу Герасиму передал, а сам в огненных колесницах в лучшую жизнь перенесен. Так Герасим сам владыкой стал. Даже имя себе новое взял – Амфибрахий Первый. Славный был иерарх! С изюминкой!

Это потом один историк неверующий раскопал. Герасим подслеповат был, не разглядел, что владыка-то на груше остался. Слезть боялся. Одичал. Оброс. По осени с листвой опал и поступил в цыганский табор в качестве медведя. И обрел смысл жизни. Уже и мемуар издали.

Доброта спасет мир!

«Книга тайн и запретов» была такая запретная, что ее лет триста никто написать не решался. Поэтому ее издали ненаписанной. Авва Хмим усердно ей руководствовался, особенно в учении о благодати: «Понеже благодать свойство имеет токмо на браде упокоеваться, ничтоже иное в сем мире тленном и развращенном не удержит ея, единая токмо брада, ибо свойство мира сего – недержание благодати. Посему и не смеет жена в иерейском чине подвизаться за неимением брады, разве благообразные инокини, брады имущия» (13:7).

Чтобы к святости приобщиться и благодать стяжать, растил авва бороду нещадно, ночью пять раз вставал, чтобы прирост благодати наблюдать. И таких успехов достиг, что пришлось ему четверых послушников приставить, чтобы было кому бороду за старцем таскать. А службу совершал, стоя на столпе, иначе в бороде совсем запутывался и прихожан удушал, такой кустистой одаренности был человек! Из других Поместных Церквей приезжали предстоятели дивиться на такую силу Православия.

Одна печаль – мыши в бороде завелись. По первости ловил окаянных да в поле выносил, да разве их всех изловишь? Кошек запускать – ни одна не вернулась! Перешли на сторону противную! Да и что говорить? Жалко их! Такие крохотные! В руку возьмешь, а там малюсенькое сердечко трепещет! Стал их старец из сочувствия подкармливать. До половины обеда в бороду отправлял, а на ночь мармеладки подкладывал.

– Что это у тебя, отец Хмим, снова ши в бороде?

– Это не мне. Это мышкам.

И прослезится.

Наконец от старца Памвы было откровение: один путь спастись – проповедовать мышам спасение и к истине приобщить!

Весь монастырь сходил посмотреть, послушники в окошки заглядывали – авва Хмим с бородой разговаривает! Смеялись, неразумные, над апостольским подвигом! Только авве было открыто осязательно, что тронул он сердце мышей своей проповедью и даже нескольких кошек в покаяние привел. Поначалу сам молитвы пел, а потом и мыши начали ему вторить. Передал им в бороду божественных книг и всяких святынь. На ночь в бороде лампы зажигал с большой осторожностью, чтобы побудить новообращенных к молитвенному бдению.

Прославил апостольский подвиг авву Хмима! Разнеслась до пределов земли слава о многоцелебной браде! Стали ему люди своих безбожных мышей приносить для вразумления, а некоторые и исцеления получали. Один престарелый кот, безвременно почивший, даже воскрес, едва к святой браде приник.

А уж сколько людей исцелялось! И только мудрейшие знали, что чудеса происходят не по святости старца, а по молитве благодарных мышей, потому что только тварь, теплом и любовью согретая, может молиться пламенно.

Четвертый пол

Отец Морковий с детства патриархом мечтал стать. Для чего принял веру и человеческий облик. А на патриархов учат только в Свято-институте, у них специальная кафедра открыта. Закончил авва Свято-институт со всеми дипломами, а трудоустроиться по специальности не смог, поскольку была судимость в Гаагских трибуналах. Профсоюз кексов ему дело шил: три тысячи восемьсот девяносто семь доказанных случаев геноцида. Отправил его Синод миссионером, чтобы «водою проповеди смыть скверну греха». А поскольку в Свято-институте не учили, как с обычным человеком о вере говорить, отправился с миссией к «малым народам», тем более что с юга пошла невиданная миграция русалок. Все из-за таянья ледников.

Кого только к ним не посылали! Никого слушать не хотят, даже дьякона Кураева едва в омут не утащили! Будь он чуть основательней, не спастись ему! А с аввой Морковием сошлись по причине взаимной любви к кексам. Родственную душу в нем почуяли. И такая это миссия удачная была, что русалки целыми косяками к вере приходиться стали. Авва Морковий не то что другие миссионеры – просветят да и бросят! Он и с трудоустройством помогал. Из русалок хорошие дикторши выходят. Слушаешь – ничего не понятно, а только глубокое доверие и подлинный гуманизм в душе пробуждается.

Самая известная русалка – Екатерина Андреева. На нее многие равняются. Ее на телевидении всегда за стол сажают, чтобы хвостом публику не отвлекать. А после новостей в особый аквариум запикивают комфортабельный. Очень русалки трудолюбивы! Одно неудобство: по весне надо всех на Волгу вывозить. Нерест у них.

А авва Морковий как русалок просветил, теперь и за домовых взялся. Вошел в доверие через любовь к осетинским пирогам. Воистину, только любовь к Богу и приводит!

Духовное упражнение

Когда отец Нектодим достиг седьмой степени созерцания, то научился даже переставлять небольшие горы, а в характере появилась такая ровность, что просто не батюшка, а какая-то зимняя лужа – ничего его не могло смутить и из созерцания вырвать. Невероятных высот достиг человек, но – нет в мире совершенства! Гору переставить – пожалуйста! Мертвеца воскресить – всегда поможем! Одного боялся, один страх точил его душу добродетельную: страшно стеснялся трусы в магазине покупать. Так смущался, что, бывало, иностранцем прикинется:

– Я хотел иметь купить...

– Ой, батюшка, вы берите эти, что в горошек, – никакой химии!

А Нектодим так зардеется, аж пар идет! Оpoznали! Оpoznорили! Купит гору целую, чтобы впрок, домой придет – не тот размер! Опять иди на бесславие! Один раз абхазским евреем вырядился:

– И в какую цену ви торгуете эту вещь?

– Батюшка, да вы лучше ромашковые на лето берите – прям сами дышут!

Нектодим так раскраснелся, что борода вспыхнула! Всем отделом тушили! Потом полгода из келлии не выходил, бороду отращивал и помыслы отсекал.

Наконец принял как духовное упражнение и для испытания сам устроился в магазин на работу и стал лидером продаж. И так смущение одолел, что его даже в кино взяли. Смотрели «Колобок. Война без конечностей»? И кто, вы думаете, играет вторую снежинку? Вот то-то же!

Мистика света

Отец Мирмидон прочитал у одного французского аббата, что драгоценные камни к Богу приводят. Как они там приводят, авва не разобрал, только всякому понятно, что полезные вещи надо внутрь принимать. Поэтому взялся ходить на высокосветские рауты и таскать у герцогинь бриллиантовые кольца. И к стенке не припрешь, поскольку привычку имел все сразу бездумно проглатывать, так жаждал просветления.

Мечтал попасть в Алмазный фонд, да разве безбожники пропустят? Так бы и глотал сережки у знати, если бы не вразумился видением. Явлен был ему беззаботный дракон вида дурашливого – весь на солнце искрится, потому что вместо чешуи у него леденцы разноцветные.

Восстав от видения, авва Мирмидон понял, к чему его небо зовет. Эти французы вечно всё напутают, а православного человека с прямой стези не свернуть!

– Мы пойдем другим путем!

И стал тайно камни драгоценные на леденцы менять. Из крестов и митр рубины, изумруды и прочий тлен на подлинные карамельки замещал. Митр себе нашел разноцветных, чистейшей карамелью низанных, оклады на книгах и иконах поменял, чтобы население ощутило сладость церковную. Это вам не камень бездушный да безвкусный лобызать! Все настоящее! А сколько исцелений было! А как народ в храмы пошел! Детей сколько к истине привели!

Больше всего любил после службы крест давать. Некоторые по три раза подходили. А на праздники была карамель со сливочной начинкой.

Журавлиный клин

Владыка Комодий добродушнейший был старичок, но в новолуние напал на него приступ благочестия.

– Вы как к святыне относитесь? Это же платы для причастия народа! Ими уста причастникам вытирают, а вы их стирать! Тут особое отношение надо!

Сидят дьяконы, платы на полоски режут да жуют-давятся, а владыка следит, чтоб святыню натошак потребляли.

– Как же вы о служении небрежете? Младенцев покрестили, а воду в землю слили? Это ж такая святыня!

Пригорюнятся батюшки, охают, воду из купели пьют, а владыка справки требует, что купель сия была потреблена натошак и в скоромный день, «понеже в купели вода со святым маслом, а масло постом не положено».

– Откуда столько дерзости, чтобы лампадки задувать? Чтобы слюной с рота пырскать! Ты же на святыню плюешь! Свечку гасить только на вдохе!

Воздохнут клирики, а что сделаешь? Никак ко спасению иерарх ведет, такой уж крест у него святительский нас, грешников, на небо тащить!

– Что ж это вы ногами пол в алтаре попираете? По земле, по грязи топали, а теперь и святыню сквернить?

Сделают батюшки владыке поклон земляной да и в алтарь на службу залетают, земли не касаясь, потому что – великая святыня! Так клирики порхают по алтарю всю службу, порхают да и совсем на небо улетят, поскольку обретают духовную невесомость, ангелам свойственную. А владыка в отчете указывает, что за прошедший год приведено ко спасению на десять процентов больше клириков, чем в предыдущем. Ему за труды даже награда вышла – право служить в нимбе с украшениями.

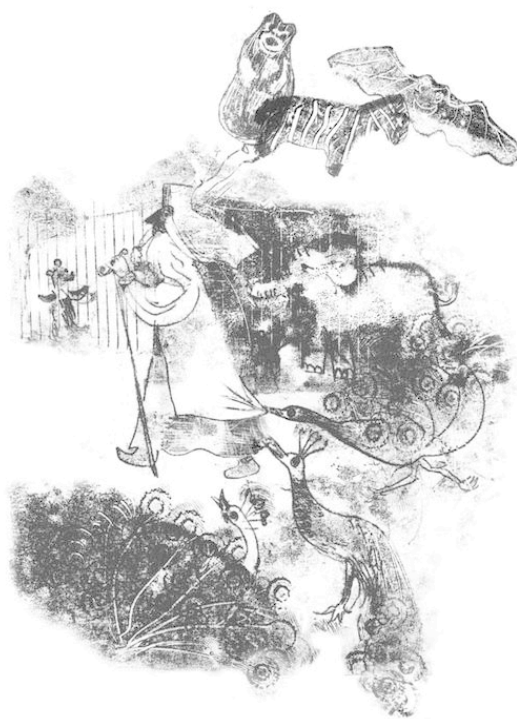
Потешный синод

Ученые всего мира, чтобы в праздности не сидеть, эликсир старости изобрели. Думали: кому он нужен, эликсир этот? Так, для отчетности выдумали. А в религиозных кругах сразу волнение пошло: народ берет бидонами, а некоторые клирики так тазами хлещут, потому что от этого снадобья седина в бороде развивается, а вместе с ней надежный почет и слава. Особенно много владыки старались. Те, что побогаче, так просто в ваннах отмакивались до самой серебряной седины и благородной согбенности. И столько старцев развелось – хоть святых выноси! Так увлеклись благообразием, что утратили всякую бдительность. А тут и закон приняли: нельзя теперь старичкам кафедры возглавлять. Что поделаешь!

Многих святителей, безвременно состарившихся, конечно, на покой отправили, а чтобы без дела не томились, учредили для них Обитель престарелых владык и при ней Потешный синод. Сидят владыки в обители, стареют, но все в привычных трудах и хлопотах изнурительных: торжества, фотографии, заявления в прессе, награды друг другу вручают и, главное, ответственные заседания в синоде! Ведь единственный безвредный синод на белом свете! За что и стяжал святость и все благословения.

Первые дни никак их рассадить не могли, всё решали – по древности кафедр места занимать или по объему чудотворений. Лет двадцать спорили. Сошлись на том, что по алфавиту будут сидеть. И еще двадцать лет обсуждали, какой алфавит предпочесть. Митрополит Бармалейский на еврейском алфавите настаивал, думал, никто не знает, что там гласных букв нет. Окончательное решение еще впереди, а пока сидят, как малыши в детском саду: у кого кубик, у кого слоненок, у кого апельсин на троне нарисован. Смиряются старцы и приемлют. Духовные вопросы так с ходу не осилишь.

Конечно, чтобы иерархов не расстраивать, что это все понарошку, для них специальный журнал издают и даже интернет-сайты о жизни церковной, как их решения реализуются, и повсюду бурное обновление и золотые купола. Читают старчики и утешаются, и цветет повсюду благочестие!

Еловый старец

Ученые всего мира установили, что самый страшный зверь на земле есть павлин, и кого он укусит, тут уже ничем помочь нельзя. Знать бы это наперед, когда владыка Петропавел в зоопарк гулять ходил! Не уберегли иерарха – вероломно был искусан павлинами с холодным цинизмом. Эх, время упустили! Ведь первые симптомы – медальный трепет и верноподданныческий энтузиазм. А тут и синод, чтобы святителя утешить, наград ему всяких присудил: орден Трудового крестного знамения, медаль «Почетный девственник» первой степени, знак «Эталон добродетели» трех степеней. А он еще старыми наградами увешался, так что даже знак ГТО и все почетные грамоты за прыжки на батуте на себе носил, а уж кресты, панагии, митры – весь иконостас! И к каждому образу велел лампаду теплить, от чего двигаться перестал, все дни и ночи на кафедре во славе простаивал. Его уже на ночь платком стали закрывать и от моли лавандой пересыпать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.